

6 $\frac{74}{391}$

1898

УЧ
391

КЪ ОТКРЫТІЮ
ВЪ МОСКВѢ
ПАМЯТНИКА
ЦАРЮ-ОСВОБОДИТЕЛЮ.

Помощника Предсѣдателя Училишнаго Совѣта.

Протоіерея М. І. Хитрова.

МОСКВА.
—
1898.

(Отдѣльный оттискъ изъ № 9 Душеполезнаго Чтенія 1898 г.).

КЪ ОТКРЫТІЮ
ВЪ МОСКВѢ
ПАМЯТНИКА
ЦАРЮ-ОСВОБОДИТЕЛЮ.

Помощника Предсѣдателя Училишнаго Совѣта.

Протоіерея М. І. Хитрова.

МОСКВА.

Университетская типографія, Страстной бульварь.

1898.

Отъ Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
Москва. Юля 23 дня 1898 года.

Цензоръ Протоіерей Іоаннъ Петропавловскій.

2007050068

КЪ ОТКРЫТІЮ ВЪ МОСКВѢ ПАМЯТНИКА ЦАРЮ-ОСВОБОДИТЕЛЮ.

Въ Москвѣ,— «сердцѣ» Россіи, воздвигнуть памятникъ одному изъ благороднѣйшихъ и величайшихъ русскихъ государей Александру Николаевичу. Сколько думъ и воспоминаній возникаетъ въ душѣ при взглядѣ на этотъ памятникъ! Почему именно—въ Москвѣ? Почему ему первому изъ русскихъ государей съ тѣхъ поръ, какъ центръ правительственной власти перенесенъ въ Петербургъ, памятникъ воздвигнуть въ Москвѣ? Въ Москвѣ Онъ родился, но это—не все... Въ этомъ фактѣ скрывается гораздо больше значенія. Мы старались говорить объ этомъ со многими изъ русскихъ людей—и, Боже, чего только не слышались мы! А что всего удивительнѣе—мысль и рѣчи какъ-то быстро уносились въ міръ общихъ понятій. Слышались тутъ и реформы, и цивилизація, и либерализмъ, и консерватизмъ, и прогрессъ, и реакція и т. д. и т. д. Мало было лишь одного—яснаго *историческаго* разумѣнія незабвеннаго царствованія Александра II. А между тѣмъ только исторія и можетъ отчасти разъяснить намъ знаменательную эпоху, которую, къ тому же, пережили мы всѣ почти какъ современники.

Незабвеннаго, въ Бозѣ почивающаго Государя Александра Николаевича гласъ народный нарекъ «Освободителемъ». Гласъ народа—гласъ Божій! На какомъ основаніи? Потому ли только, что Онъ освободилъ десятки мил-

ліоновъ отъ крѣпостного состоянія, потому ли только, что Онъ даровалъ свободу также милліонамъ единовѣрныхъ и единокровныхъ братьевъ нашихъ, томившихся подъ игомъ мусульманъ? Безъ сомнѣнія — такъ, но и эти всемірно-историческіе факты не вполне объясняютъ намъ знаменательное титуло «Царя-Освободителя».

Было время, теперь уже далекое отъ насъ время, когда русскому народу приходилось отстаивать, подобно новорожденному, самое существованіе. Страшная туча монгольскаго нашествія, повергшая въ ужасъ весь христіанскій міръ, обрушилась на Россію. Во время погрома погибла половина народонаселенія. Остальная половина, раздробленная, разоренная, очутилась въ страшной неволѣ. А между тѣмъ Азія продолжала высылать одну за другою страшныя орды дикихъ варваровъ. Въ виду опасности, грозившей самому существованію русскаго народа, потребовалось необычайное напряженіе всѣхъ силъ народныхъ. Русскіе объединились, сплотились во едино вокругъ Московскаго князя, и съ неимоверными усиліями отстаивали свое бытіе. Этотъ результатъ оказался возможнымъ лишь при созданіи единой, грозной, сильной власти. Единодержавная и самодержавная власть Московскихъ царей была естественнымъ результатомъ той страшной борьбы за жизнь, которую вынесъ русскій народъ въ борьбѣ съ варварами.

Русскій православный народъ чтитъ власть, какъ Божіе учрежденіе. Но среди ужасныхъ обстоятельствъ, при которыхъ возникло и строилось Московское государство, не приходилось справляться съ душой, съ думами и убѣжденіями русскаго народа. Въ отчаянной борьбѣ за жизнь только сила рѣшаетъ дѣло. И вотъ власть въ Московскомъ государствѣ, подъ вліяніемъ внѣшнихъ обстоятельствъ, грозила принять видъ восточнаго деспотизма. Исторія мученика-святителя, возвысившаго свой мужественный голосъ противъ самовласти, ставшаго въ противорѣчіе съ божественными и человѣческими законами, достаточно объ-

ясняетъ намъ дѣло. Въ самомъ дѣлѣ, для нравственнаго достоинства самой власти, для того, чтобы она не обратилась въ господство грубой вещественной силы, необходимо, чтобы она покоилась на твердой нравственной основѣ, не на слѣпомъ и рабскомъ подчиненіи, но на свободной преданности народа. Въ смутную эпоху государство, воздвигнутое съ тяжкими усиліями, съ огромными жертвами, но — опиравшееся только на силу, на слѣпое, рабское подчиненіе, разрушилось... Но среди бурь и страшныхъ бѣдствій смутной эпохи проявилась всенародная мысль и прозрѣла въ смыслъ предшествующей эпохи. Свободнымъ, всенароднымъ избраніемъ на престолъ благословеннаго дома Романовыхъ русскій народъ завершилъ дѣло грозныхъ и могучихъ Іоанновъ. Самодержавная власть освятилась свободнымъ всенароднымъ согласіемъ, и русскій царь, несмотря на то, что во всемъ государствѣ видны были еще страшные слѣды пронесшейся бури, никогда еще не былъ прежде такъ силенъ, какъ послѣ смутной эпохи. Власть, которую съ такимъ трудомъ, съ самыми крутыми мѣрами удерживали въ своихъ рукахъ могучіе Іоанны, спокойно и мирно, во всей полнотѣ, почилъ на главѣ кроткихъ Михапла и Алексѣя.

Смута, наступившая при кроткомъ сынѣ Грознаго царя и разразившаяся страшной грозой при Годуновѣ, смута, начавшаяся кровію невиннаго отрока-мученика, стоитъ въ замѣчательномъ соотвѣтствіи со смутой, пережитой нами и завершившейся страшнымъ злодѣяніемъ 1-го марта, и историческая справка объ ней поможетъ намъ понять и смыслъ великой эпохи царствованія Александра II.

Справившись съ азіатскими варварами, мы повернулись къ Западу. Это было необходимо. Отстоявъ свое существованіе, мы сразу почувствовали нужду во многомъ — въ наукѣ, во внѣшнемъ благоустройствѣ, — во многомъ другомъ, въ чемъ такъ сильно опередили насъ европейскіе народы, спокойно развивавшіеся за спиною великаго народа, принявшаго на себя неблагоприятную задачу борьбы

съ азіатскимъ варварствомъ. Новая эпоха началась со времени Петра. Это было новое нашествіе не азіатской грубой силы, но—европейской культуры... Настало новое иго... Воспользуемся для характеристики новой «петербургской» эпохи русской Исторіи словами знаменитаго русскаго патріота: «Петръ имѣлъ въ жизни одну единственную цѣль—благо Россіи, но онъ понималъ его *по своему*. Это былъ самый смѣлый, самый отчаянный идеалистъ, какого только видалъ міръ, идеалистъ съ непреклонною, необузданною волею, да еще надѣленный при томъ реальною властью въ объемѣ, соотвѣтствовавшемъ его исполнскому идеализму. Такого деспота не знавала вселенная ни прежде, ни послѣ. Ради успѣха своей «исторической миссіи», ради осуществленія своихъ идеаловъ, онъ долженъ былъ сломить всякое противодѣйствіе земской жизни, всякое проявленіе какой-либо самобытности, своеобразности, все обратить въ покорный, безотвѣтный матеріалъ, пригодный для лѣпки излюбленной имъ формы европейскаго государства. Но государство, какъ хорошо понималъ Петръ, образуется не одними законами и учрежденіями, но и нравами: онъ не остановился и предъ этой задачей и рѣшился силою внѣшней, принудительной власти пересоздать и нравы. Онъ проникъ, съ своею полиціею, во всѣ изгибы общественнаго бытія, гдѣ только укрывалась самостоятельность духа, ничего не оставилъ въ покоѣ, все регламентировалъ, все взялъ въ казну, все подчинилъ командѣ—и нравы, и обычаи, и совѣсть, и прическу, и церковь, и одежду, и грамоту, и языкъ,—законодатель, портной, академикъ, цырюльникъ, церковный реформаторъ, кузнецъ, полководецъ, учитель «комплиментовъ» и танцевъ, заводчикъ флота, ассамблей, покоритель шведовъ, завоеватель, градостроитель и устроитель шутовскихъ маскарадовъ въ Кремлевскомъ Успенскомъ соборѣ... Общество явилось взнузданнымъ, затянутымъ въ мундиръ, причесаннымъ, выбритымъ, одѣтымъ по указу, расписаннымъ по рангамъ, дѣйствующимъ лишь по

командѣ,—руки по швамъ. Для того, чтобы этого автомата приводить въ дѣйствіе, потребовалась цѣлая армія чиновниковъ,—армія *опекуновъ*: вездѣ, повсюду, кругомъ, сверху до низу только начальства, да власти,—тучи властей и начальствъ. Никогда, ни одно правительство въ мірѣ, какъ русское со временъ Петра, не взваливало на себя такой огромной обузы, такой громадной опеки, не расширяло такъ безпредѣльно круга своей дѣятельности, да и не было такъ неугомонно дѣятельно: иначе и быть не могло, когда приходилось исполнять должность *самой жизни*, и постоянно, на каждомъ шагу, чинить, поправлять и переименовывать плохо дѣйствующій механизмъ....» (Аксаковъ. V. 50).

Крымская война показала, что далѣе идти по указанному пути было невозможно...

Дѣло въ томъ, что культуру нельзя привить народу помимо самого народа. Культура является вездѣ плодомъ самостоятельнаго творчества духовныхъ силъ народа. Не обходимо было создать условія, благопріятствующія для развитія русской культуры, для духовнаго роста и преуспѣянія русскаго народа—и для этого полезно было сближеніе съ образованными народами Запада, но нельзя было, никакими человѣческими усиліями, создать самую культуру при помощи хотя бы и самой сильной власти... Не обходимо было ослабить всеобнимающую правительственную опеку, и дать свободу *духовной* жизни русскаго чело-вѣка.

Со вступленіемъ на престолъ незабвеннаго Государя Императора Александра Николаевича началась иная эпоха въ жизни русскаго народа. Весеннимъ тепломъ и просторомъ жизни сказалось вступленіе на престолъ этого государя. Но, какъ и въ смутную эпоху, наружу вырвалось прежде всего то, что было печальнымъ слѣдствіемъ такъ называемаго Петербургскаго періода русской исторіи. Самостоятельная духовная культура русскаго народа, раскрытіе его исконныхъ началъ—еще впереди, наружу же

прежде всего— «словно неистовствомъ вешнихъ водъ про- рвало плотину»—вырвалось отрицаніе этихъ исконныхъ основныхъ началъ русской народности *). Плевелы растутъ быстрѣе, чѣмъ благородное растеніе... Началась смута, окончившаяся ужаснымъ днемъ 1 марта... Какъ и во время древней смуты, пролилась невинная кровь Царя-мученика...

Царь-Освободитель!.. Не миллионы только крѣпостныхъ ра- бовъ, не миллионы поработанныхъ мусульманами—освобо- дилъ незабвенный Государь, нѣтъ! Онъ далъ свободу русско- му народному духу, онъ положилъ конецъ Петербургскому періоду русской исторіи и началъ своимъ царствованіемъ новый періодъ—періодъ національнаго самосознанія, пе- ріодъ духовнаго самобытнаго роста и развитія основныхъ началъ русской народности,—и это сказалось въ царство- ваніе его сына— столь же незабвеннаго Царя-Миротворца...

Самъ же онъ, «починальникъ» новой эпохи, палъ жерт- вою тяжкихъ заблужденій, нажитыхъ въ предшествующій періодъ.

Грустно вспоминать эту послѣднюю смуту русской зем- ли, но посреди этой смуты яркой звѣздой блеститъ образъ незабвеннаго Государя, самый свѣтлый образъ изъ всего знаменитаго двадцатипятилѣтія. Оставимъ все, что омра- чило это двадцатипятилѣтіе, и утѣшимъ себя воспомина- ніемъ объ этомъ дорогомъ каждому истинно русскому сердцу Царѣ-Освободителѣ.

*) „То отребье, писалъ Аксаковъ по поводу 1 марта, которое такъ дерзостно, такъ нагло гнететъ преступленіями душу всего русскаго на- рода, не есть исчадіе нашего простаго народа, ни его старины, ни даже новизны истинно-просвѣщенной, — а порожденіе темныхъ сторонъ Пе- тербургскаго періода нашей исторіи, отступничества отъ русской народ- ности, измѣны ея преданіямъ и идеаламъ; порожденіе того раболѣвства духовнаго европейскому Западу, — той розни земли и государства, кото- рая, вопреки древнему завѣту, вѣрованіямъ и чаяніямъ народнымъ, ввѣдрилась вотъ уже почти два вѣка въ нашъ общественный и госу- дарственный строй“ (Аксаковъ, V, 612).— какъ, прибавимъ, „воры“ смутной эпохи были порожденіемъ односторонности Московскаго періода ..

«Съ радостными надеждами привѣтствовалось его много-
знаменательное рожденіе

въ великомъ градѣ славы,
На высотахъ священнаго Кремля,

и поистинѣ пророческимъ завѣтомъ поэта:

Да встрѣтитъ онъ обильный честью вѣкъ,
Да славнаго участникъ славный будетъ,
Да на чредѣ высокой не забудетъ
Святѣйшаго изъ званій —человѣкъ!..

И онъ исполнилъ завѣтъ, остался ему вѣренъ до послѣдней минуты издыханія. Именно *человѣчность* является характеристическою чертою его подвига. Никакія обольщенія внѣшней власти не смогли заглушить въ немъ величій простого, добраго сердца...

Самодержецъ, онъ былъ смиренъ духомъ, онъ не возносился ни разу, душа его не знала надменности и гордыни. Онъ не искалъ суетной славы, но слава искала его,—и исторія съ изумленіемъ подводитъ итоги обилію великихъ дѣлъ, совершившихся въ періодъ отъ 1855—1881 г. Но Богъ вознесъ смирявшагося выше всякой высоты земной: Царь величайшей въ свѣтѣ державы, по манію котораго готовъ былъ двинуться въ бой, на защиту его престола и власти, цѣлый народъ — океанъ, сподобился кончины истинно-мученической. Его образъ предстоить теперь предъ нами въ лучезарномъ сіяніи Страстотерпца»... (Аксаковъ. V. 21—22).

Насколько все, что исходило отъ незабвеннаго Царя, запечатлѣно было духомъ не скажемъ — человѣчности, нѣтъ!—но истинно христіанскимъ духомъ, лучше всего изображаетъ намъ слово церковнаго вѣтїи, посвященное обозрѣнію славныхъ дѣлъ Александра II.

«Съ увѣренностью можно сказать, что благочестивѣйшій Государь нашъ высокій жребій предоставленнаго ему служенія всегда хранилъ и разумѣлъ, не какъ личный

удѣлъ высшей на землѣ власти и славы, почестей, удовольствій, а какъ даръ милости Божіей, дарованный одному для блага другихъ, какъ великое непрестанное въ благоговѣніи и преданности служеніе Богу и народу. Православно христіанскій Царь великаго народа есть во истину рабъ Божій, первый и преданнѣйшій слуга народа и величайшій труженикъ въ народѣ. Трудъ, который пришлось подъять нашему Государю во время двадцатипятилѣтняго управленія такимъ обширнымъ царствомъ, по истинѣ есть не только трудъ великій, но, какъ всѣ земные труды и по преизбытку предъ другими, онъ долженъ быть по временамъ—трудъ горькій и тяжелый. Если каждый изъ насъ въ своемъ невысокомъ положеніи не можетъ равнодушно относиться въ судьбѣ своего отечества: то какую великую заботу объ отечествѣ долженъ носить въ душѣ своей тотъ, кому по преимуществу ввѣрена судьба отечества? Если каждому изъ насъ въ своемъ частномъ дѣлѣ приходится испытывать затрудненія, препятствія, тревоги, огорченія, опасенія: то сколько всего этого приходится переиспытать тому, на комъ лежитъ великое дѣло всенароднаго служенія? Конечно, не разъ, а много разъ, Великому Государю (болѣе, чѣмъ кому-нибудь изъ его подданныхъ) въ трудахъ и заботахъ о нуждѣ народной приходилось не только забывать объ удобствахъ и удовольствіяхъ личнаго высокаго положенія, но... и хлѣба не доѣдать, и ночей не досыпать, и личными привязанностями жертвовать для дѣла общаго, и мучиться тревогами за успѣхъ замышляемыхъ начинаній, и бороться со всевозможными препятствіями и противодѣйствіями начатому дѣлу, и испытывать тяжелыя скорби разочарованія, недовѣрія и подозрѣнія, и плакать горькими слезами о нуждахъ и бѣдствіяхъ народныхъ, и возмущаться неразуміемъ и недобросовѣстностью исполнителей своей мысли и воли, и смиряться и трепетать въ сознаніи великой отвѣтственности за вѣрность и неуклонность своего служенія... Поистинѣ, для добраго и достойнаго совершенія этого слу-

женія, мало силъ человѣческихъ, а нужна высшая благодатная сила Божія, въ сообщеніе которой помазаннику Божію, благоговѣнно выполняющему свое призваніе, мы искренно вѣримъ.

«Когда мы обратимъ вниманіе на самыя дѣла, совершенныя Великимъ Государемъ въ двадцатипятилѣтнее царствованіе, по крайней мѣрѣ на важнѣйшія изъ нихъ, не можемъ не признать, что въ этихъ дѣлахъ царствованія земного воистину отразились пути царствія Божія.

«И во-первыхъ не можемъ мы, служители слова и дѣла Божія и всѣ православныя христіане, забыть то, что Благочестивѣйшій Государь нашъ въ царствованіе свое прилагалъ особенное стараніе объ устроеніи, утвержденіи и расширеніи того высшаго Божественнаго учрежденія, которое является на землѣ питомникомъ и предначатіемъ царства Божія, т.-е. святой Церкви Христовой. Однимъ изъ первыхъ изволеній, заявленныхъ Благочестивѣйшимъ Государемъ высшимъ представителямъ Церкви при самомъ священномъ коронованіи его, было то, чтобы слово Божіе было переведено на понятный всему русскому народу языкъ, чтобы воля Божія яснѣе открывалась и пути царствія Божія болѣе были вѣдомы всѣмъ, чтобы русскіе люди удобнѣе могли черпать Божественную истину изъ живаго источника слова Божія. Этотъ великій и священный трудъ, трудъ, который у большей части христіанскихъ народовъ имѣлъ величайшее вліяніе на ихъ духовное развитіе, совершенъ у насъ нѣсколько лѣтъ назадъ. Чтеніе Священнаго Писанія распространяется въ русскомъ народѣ больше, чѣмъ когда-нибудь. Мы не видимъ еще всѣхъ плодовъ этого дѣла, но ихъ безъ сомнѣнія покажетъ будущее... Далѣе, во все продолженіе царствованія, по волѣ Благочестивѣйшаго Государя, не оставляема была забота о томъ, чтобы живые толкователи слова Божія народу, пастыри духовные, были возможно лучше подготовляемы къ своему высокому служенію и возможно свободнѣе исполняли его, не стѣсняемые тяжелой матеріальной нуждой. Въ этомъ

дѣлѣ множество давнихъ, вѣками сложившихся затрудненій пришлось встрѣтить тѣмъ, кому оно поручено было Благочестивѣйшимъ Государемъ для разъясненія и исправленія. Неудивительно поэтому, что это дѣло не представляется еще вполне совершеннымъ. Нельзя также не вспомнить о тѣхъ мѣрахъ, которыя предприняты для распространенія истины Христовой между невѣдущими ея въ нашемъ отечествѣ и за предѣлами его, для возвращенія къ Церкви Христовой отпадшихъ и отторгнутыхъ отъ нея въ различныя времена. Мѣры эти разумныя, мягкія, проникнутыя любовію и мудрою осторожностію, постепенно дѣлаютъ свое дѣло. Да воздастъ Господь въ вѣчномъ царствѣ Своемъ—Церкви небесной—Благочестивѣйшему Государю за его заботы о матери—Церкви земной!..

«Въ самыхъ государственныхъ дѣлахъ царствованія мы можемъ усмотрѣть утѣшительныя для христіанскаго упованія свидѣтельства. Мы не можемъ подробно перечислять здѣсь эти дѣла, ни обсуждать ихъ съ каѳедры церковной: но мы должны съ христіанской точки зрѣнія указать на тотъ духъ, который отражается въ главнѣйшихъ изъ нихъ, духъ любви Христовой и отеческаго попеченія о народѣ. Къ Благочестивѣйшему Государю нашему можно примѣнить (въ извѣстномъ, конечно, смыслѣ) то изреченіе древняго пророка о помазанникѣ Божіемъ, которое въ высочайшей степени относится къ Самому Христу Спасителю. *Духъ Господень на Мягь. Онъ помазалъ Меня возвеститъ благу въсть нищимъ и послалъ Меня исцѣлять сокрушенныхъ сердцемъ, проповѣдывать плѣннымъ освобожденіе и слѣпымъ прозрѣніе, отпустить измученныхъ на свободу* (Иса. LXI, 1—2; Лук. IV, 18).

«Этотъ духъ прежде всего сказанъ въ томъ великомъ дѣлѣ, которое—безъ сомнѣнія—составляетъ высшую славу царствованія, и которое никогда не изгладится ни на скрижаляхъ исторіи земной, ни въ той *книгѣ жизни*, которая пойдетъ на судъ Божій,—въ дарованіи личной свободы съ матеріальнымъ обезпеченіемъ милліонамъ рус-

скихъ людей, не имѣвшихъ ни свободы, ни правъ собственности. Этотъ духъ сказался затѣмъ въ устроении для народа новыхъ судовъ по такому образцу, чтобы въ нихъ, по заповѣди Божіей, сочетавались правда и милость, чтобы несчастнымъ обвиняемымъ предоставлены были всѣ средства защиты, чтобы обсужденіе дѣйствій человѣческихъ совершалось не по строгой буквѣ закона, а по христіанской совѣсти и внутреннему убѣжденію, чтобы скорѣе десять осужденныхъ могли быть помилованы, чѣмъ одинъ невинный осужденъ. Этотъ духъ сказывается въ непрекращающихся и болѣе и болѣе усиливающихся заботахъ о просвѣщеніи народномъ: ибо *благопріятное мѣто Господне* состоитъ не только *въ освобожденіи плѣнныхъ*, но и *въ прозрѣніи слѣпыхъ*. Этотъ духъ сказывается въ различныхъ мѣрахъ, имѣющихъ цѣлю сближеніе различныхъ сословій и равномерное распредѣленіе между ними государственныхъ правъ и обязанностей: ибо высшая цѣль царства земного состоитъ въ утвержденіи между людьми началъ братства и любви, составляющихъ основанія царства Божія. Этотъ духъ сказывается въ мѣрахъ, направленныхъ къ возбужденію и развитію народныхъ силъ, народной самостоятельности, въ постепенномъ призваніи народа къ участію въ общественныхъ дѣлахъ; ибо высшее дѣйствіе христіанской любви состоитъ въ нравственномъ возвышеніи человѣческой личности, въ распространеніи между людьми такого общественнаго духа и настроенія, при которомъ бы каждый посильно заботился о всѣхъ и всѣ о каждомъ. Скажемъ ли мы, при обзорѣ различныхъ добрыхъ мѣръ царствованія, что все уже закончено, что духъ Христовой любви, правды и свободы вполне отразился во всѣхъ учрежденіяхъ нашего царства?.. Утвержденіе на землѣ высшихъ началъ Христовой любви, правды и свободы—есть идеаль, къ которому царства человѣческія могутъ и должны стремиться, но который осуществитъ вполне они никогда не въ состояніи. Если бы этотъ идеаль былъ вполне осуществленъ, прекратились

бы все человѣческія царства, и настало бы одно царство Божіе: но это можетъ быть не здѣсь на землѣ, гдѣ продолжаютъ господствовать земныя страсти, а въ другомъ высшемъ мірѣ, гдѣ окончательно будетъ побѣждено и уничтожено все злое... Скажемъ ли мы, по крайней мѣрѣ, что все тѣ мѣры, которыя предпринимались для осуществленія этихъ началъ, были вполне чисты, цѣлесообразны, послѣдовательны, что при выполненіи этихъ мѣръ никогда не было никакихъ недостатковъ, никакихъ колебаній?.. Все человѣческія дѣла имѣютъ свои недостатки; у всехъ можетъ быть и неясность въ пониманіи цѣлей, и непоследовательность въ примѣненіи средствъ, и несовершенство въ самыхъ побужденіяхъ дѣятельности. Но все человѣческія дѣла должно мѣрять и мѣрою человѣческою, принимая во вниманіе не только ограниченность человѣческихъ силъ въ дѣлателяхъ, но и несовершенство внѣшнихъ условий для дѣятельности. И мы были бы дѣтьми неразумными и неблагодарными, если бы не понимали этого.

«Наконецъ, если мы обратимъ вниманіе на самую внѣшнюю политику — на внѣшнія отношенія русскаго государства къ другимъ государствамъ и народамъ въ царствованіе Благочестивѣйшаго Государя Александра Николаевича, и здѣсь въ извѣстной степени можемъ усмотрѣть отраженіе духа Христова. Дѣла внѣшней политики, конечно, еще съ большею осторожностью, чѣмъ внутреннія дѣла государственнаго управленія, могутъ быть разсматриваемы съ частной точки зрѣнія и обсуждаемы на основаніи религіозно-нравственныхъ началъ: но общее ихъ направленіе можетъ быть понятно самому простому, незнакомому ни съ какими тонкими политическими соображеніями, христіанскому смыслу. Каково же было общее направленіе внѣшней политики, каковъ общій характеръ отношеній русскаго государства къ другимъ государствамъ и народамъ — въ двадцатипятилѣтнее царствованіе Государя Императора Александра Николаевича? Кажется, всему свѣту извѣстно, что преобладающими чертами царств-

вованія въ этомъ отношеніи были: искренность, великодушіе, справедливость и миролюбіе. Въ самомъ началѣ Благочестивѣйшій Государь поспѣшилъ заключить миромъ тяжелую для своего народа и мало общавшую другимъ народамъ войну. Затѣмъ, *завѣтъ миръ* былъ священнѣйшимъ завѣтомъ Благочестивѣйшаго Государя. Двадцать лѣтъ русское государство пользовалось невозмущаемымъ миромъ, въ тишинѣ мира развивая и обновляя свои внутреннія силы. Пользуясь вмѣстѣ съ тѣмъ въ кругу другихъ государствъ вліяніемъ могущества и справедливости, Благочестивѣйшій Государь старался, сколько возможно, и внѣ своей страны поддерживать миръ, обуздывать волнующіяся страсти и несправедливыя притязанія, смягчать возникающія распри и ослаблять жестокость предпринимаемыхъ войнъ. Времена мира между вѣрными хранителями обѣтованій о царствѣ Божіемъ всегда — и въ Вѣтхомъ Завѣтѣ, когда такія времена по жестокосердію людей бывали рѣдки, и особенно въ Новомъ Завѣтѣ, который и начался возвѣщеніемъ мира землѣ, (Лук. II, 14) и завершень обѣтованіемъ мира послѣдователямъ Христовымъ—(Іоанн. XIV, 27),—времена мира въ царствахъ земныхъ всегда, говоримъ, считались какъ бы прообразомъ и предначатіемъ царства Божія. Отличительною принадлежностью царства Божія всегда представлялся людямъ—миръ; въ Священномъ Писаніи времена царства Божія представляются такими временами, когда люди *раскуютъ мечи свои на плуги, и не будутъ болѣе воевать* (Исаиі II, 4)... Царствованіе Благочестивѣйшаго Государя нашего было для насъ большею частью временемъ мира, и за это воздадимъ благодареніе Господу мира и миролюбивому Избраннику Его...

«Но состояніе мира еще не можетъ быть твердо упрочено на землѣ, пока земля покрыта злыми людьми, злыми дѣлами и злыми страстями. Сама Церковь Божія въ ея земномъ состояніи называется *церковью воинствующею*; Самъ Господь въ инныя эпохи исторіи человѣчества является

Господомъ воинствъ, и не безъ Его воли самые вѣрные Его избранники, вопреки глубочайшему и искреннѣйшему расположенію къ миру, вынуждены бываютъ братья за оружіе и вести войну. Вѣрные хранители завѣтовъ царства Божія не станутъ вести войну изъ побужденій властолюбія, честолюбія и корыстолюбія, изъ желанія угнетать другихъ и распространять свою славу и власть на счетъ жизни другихъ. Но иногда сама Истина Божія подвергается поруганію и угнетенію, и для охраненія ея между людьми оказывается необходимымъ внѣшнею силою обуздывать хулителей и угнетателей. Иногда существеннѣйшія права и самая жизнь людей—и людей намъ близкихъ по священнымъ связямъ естественнымъ и нравственнымъ—подвергается жестокому преслѣдованію. Любящіе ближнихъ не могутъ относиться равнодушно къ страданіямъ ближнихъ. И вотъ въ такихъ-то случаяхъ люди самые миролюбивые вынуждены бываютъ братья за оружіе и вести войну, принося въ жертву благу ближнихъ не только внѣшнее свое достояніе, спокойствіе и самую жизнь, но въ извѣстной степени и самое внутренне свое убѣжденіе и расположеніе... Такія войны, предпринимаемыя по высшимъ нравственнымъ побужденіямъ, и въ самомъ способѣ веденія значительно отличаются отъ другихъ войнъ, которыя ведутся изъ-за своекорыстныхъ и властолюбивыхъ расчетовъ. И въ войнахъ перваго рода не мало бываетъ темнаго и печальнаго, и въ нихъ льется человѣческая кровь, посягаются тысячи человѣческихъ жизней, разрушается спокойствіе и благосостояніе цѣлыхъ странъ; безъ этого невозможны войны. Но, по крайней мѣрѣ, въ войнахъ, которыя ведутся наиболѣе вѣрными христіанскому духу народами, менѣе кровопролитій безъ мѣры и нужды, менѣе жестокостей къ людямъ неповиннымъ и беззащитнымъ, не принимающимъ непосредственнаго участія въ войнѣ, менѣе упоенія и обольщенія самымъ процессомъ и успѣхами кровопролитія и разрушенія безъ отношенія къ высшимъ нравственнымъ цѣлямъ войны... Кто

не скажетъ, что такова именно и была та единственная война, которую пришлось вести нашему Благочестивѣйшему Государю и его христолюбивому воинству?.. Не по охотѣ, не изъ честолюбія личнаго и народнаго, не по своекорыстнымъ побужденіямъ и матеріальнымъ расчетамъ, не по страсти къ завоеваніямъ и желанію угнетенія предпринята была эта война. Предпринята она была съ глубокою болью душевною, вопреки самому искреннему желанію поддерживать миръ до послѣдней возможности, безъ своекорыстныхъ расчетовъ и интересовъ — можетъ быть даже вопреки прямымъ расчетамъ и интересамъ, среди всякихъ зловѣщихъ предостереженій и предвѣщаній... Предпринята потому, что невозможнымъ сдѣлалось для нравственнаго долга и чувства поддерживать миръ; невыносимымъ стало положеніе единовѣрныхъ и единокровныхъ племенъ; угнетеніе, тяготѣвшее надъ ними цѣлые вѣка, усилилось до того, что стало грозить имъ окончательною гибелью; недостойно и жестоко было бы для братскаго христіанскаго чувства—лицемѣрно умывать руки въ знакъ собственной чистоты отъ пролитія крови, и равнодушно допускать подлѣ себя пролитіе крови чужими руками—пролитіе родной крови вражескими руками. Война должна была начаться; но кому же неизвѣстно, сколько и затѣмъ усилій употреблено было нашимъ Благочестивѣйшимъ Государемъ для того, чтобы война эта была сколько возможно менѣе жестока и кровопролитна. Можетъ быть, изъ-за этого не разъ приходилось оставлять въ чужихъ рукахъ то, что легко могло бы быть пріобрѣтено, медлить кровавымъ рѣшеніемъ дѣла тамъ, гдѣ дѣло могло бы быть кончено скорѣе, вообще жертвовать выгодами и успѣхами высшимъ внушеніямъ совѣсти и человѣколюбія. Война совершена съ необычайнымъ мужествомъ и самоотверженіемъ и увѣнчалась необычайнымъ успѣхами; пришло время пользоваться плодами побѣдъ. Благочестивѣйшій Государь нашъ не только ничего, кромѣ самаго необходимаго и справедливаго воз-

награжденія за потери войны, не взялъ себѣ и своему народу, но и изъ того, что уже было приобрѣтено для народовъ, ради которыхъ и велась война, долженъ былъ уступить немало, дабы не возбудить новой войны, дабы не довести до крайняго раздраженія чужое зложелательство и своекорыстіе... Въ мірѣ, исполненномъ своекорыстія, неправды и коварства, и привыкшемъ къ своекорыстію, неправдѣ и коварству, мало даютъ значенія безкорыстію, искренности и великодушію. Но лучшія души міра всегда вѣровали и вѣруютъ, что міръ держится не зломъ, а добромъ, и что въ концѣ концовъ не зло восторжествуетъ надъ добромъ, а добро надъ зломъ. *Не ревнуй лукавнующимъ, ниже завиди творящимъ беззаконіе; зане лукавнующіи потребятся, кроткіи же насладятъ землю и насладятся о множествѣ мира* (Пс. XXXVI, 1, 9, 11).

«На что еще намъ нужно обратить вниманіе, обозрѣвая христіанскою мыслью знаменательныя событія царствованія? Не омрачить славы двадцатипятилѣтняго царствованія воспоминаніе и о тѣхъ особенныхъ испытаніяхъ, которыя пришлось перенести Государю нашему и народу въ царствованіе его. Такъ, поистинѣ въ вѣнецъ, который болѣе двадцати пяти лѣтъ носилъ нашъ Благочестивѣйшій Государь, мы видѣли не одну свѣтлость, но и колючія тернія; и этимъ еще болѣе вѣнецъ Царя-человѣка уподобляется вѣнцу Царя-Богочеловѣка (Іоан. XIX, 5). Царь нашъ поистинѣ есть не только вѣрный *слуга Божій*, носящій дарованный Богомъ *мечъ во благо добрымъ и во отмщеніе злымъ* (Рим. XIII, 4), но и Царь-крестоносецъ, по заповѣди Христовой—съ крестомъ на раменахъ шествующій во слѣдъ Христу-подвигоположнику (Мате. XVI, 24). Мы не говоримъ здѣсь о тѣхъ обычныхъ тяжестяхъ и испытаніяхъ, которыя неразрывно связаны со всякимъ великимъ народнымъ служеніемъ, и особенно съ служеніемъ царственнымъ, ревностью совершаемымъ. Этого отчасти мы коснулись въ началѣ слова. Но нашему Государю суждено было понести еще особенныя чрезвычайныя испы-

танія»... (Слова и рѣчи протоіерея А. М. Иванцова-Платонова).

Не будемъ омрачать свѣтлости воспоминанія повѣстью о самыхъ тяжелыхъ испытаніяхъ... Но не можемъ не добавить одного: въ минуту тяжчайшаго изъ испытаній, послѣдняго, смертнаго, Государь-христіанинъ остался вѣренъ себѣ.

«Его, перваго человѣка русской земли, уже полумертваго, безъ шинели, съ обнаженной, склоняющейся отъ слабости головой—везутъ Освободителя милліоновъ людей своего и чужихъ народовъ, давашаго всей Россіи *новое бытіе*, даровавшаго ей такой просторъ жизни, котораго она еще не знавала,—везутъ Страдальца-Царя въ его царскій дворець... Безъ ропота, безъ жалобы встрѣчаетъ онъ смерть... Послѣднее его дѣйствіе въ жизни: взглянуть «на *своихъ* раненыхъ!» (Аксаковъ, V, 615).

Надѣмся, послѣ всего сказаннаго намъ становится понятнымъ этотъ дивный памятникъ въ Москвѣ, въ сердцѣ Россіи,—онъ говоритъ намъ объ освобожденіи отъ Петербургскаго періода нашей исторіи и о началѣ новаго, самобытнаго развитія русскаго народа на основаніи *своихъ*, присущихъ русскому народному духу, исконныхъ началъ!

2007050068